

В.Г. Зусман

«ВЧУВСТВОВАНИЕ» КАК КОНСТАНТА АВСТРИЙСКОГО МИРА.
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Дискуссия о специфике австрийской культуры, «австрийской душе» и «австрийском человеке» имеет большую историю¹. Попытка определить внеисторический центр «австрийского мира» едва ли осуществима. Однако, размышляя об определенных периодах истории, можно выделять в качестве рабочей гипотезы ряд характерных концептов и констант².

Под константой (лат. *constans* – устойчивый) в теории науки понимается постоянная величина среди переменных и изменяющихся. Конечно, в истории и культуре о «постоянных величинах» можно говорить лишь с большой долей условности.

Константы ментальности – основные представления людей, заположенные в их сознании культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением³. Константы – «долго живущие концепты», ментальные и языковые образования, способные сохранять смысл при прохождении ряда поворотных точек национальной истории. Константа – единица, позволяющая приблизиться к пониманию национальных «традиций». Слово констант означает слово традиций национальной истории.

Вместе с тем константы обладают и определенной смысловой эластичностью. Они способны к самоотрицанию, смысловому переворачиванию. Константа заключает в себе условные «плюс» и «минус», оказывается способной выражать «одно» и «другое», утверждать и одновременно отрицать себя.

¹ См., напр.: Heer Fr. Der Kampf um die österreichische Identität. – Wien – Köln – Weimar, 1981. Johnston William M. Österreichische Kultur- und Geistesgeschichte. Gesellschaft und Ideen im Donauraum 1848 -1938. 4. Aufl. – Wein – Köln – Wemar, 2006. Johnston William M. Der österreichische Mensch. Kulturgeschichte der Eigenart Österreichs. – Wien – Köln – Graz, 2010.

² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М., 2007.

³ Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1, – М., 1989.

«Вчувствование» (*Einfühlungsgabe*) (общительность, способность представить себя на месте другого, диалогичность) представляется одним из ключевых и долгоживущих концептов. «Общительность», «диалогичность» – одна из констант австрийской культуры. Так, поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь (*Hofmannsthal*; 1874-1929) в знаменитом сравнении прусского и австрийского начал определяет эту черту как способность «вдумываться» в мысли другого... (*Hineindenken in andere...)*¹. Правда, цитата из Гофманстадля имеет очень важное продолжение, о котором речь еще впереди.

Ключевой австрийский концепт можно принять, например, и в редакции известного австрийского писателя Антона Вильдганса (*Wildgans*, 1881-1932). Вильдганс сформулировал его в «Речи об Австрии» (1929). Писатель объясняет австрийскую способность «вдумываться», «вчувствоваться» в духовный склад других народов склонностью к «психологии». Притом «психология» понималась не как ученое занятие или удовлетворение любопытства, а как – обязанность, «долг»².

Психология у Вильдганса напрямую связана с «переводом». По мнению писателя, каждый австриец немецкого происхождения отлично знал, что все общие идеи и положения, предназначенные для «государства в целом» (*Gesamtstaat*), будут переводиться на многие языки. При этом оказывается, что, сохранив смысловую схожесть, одно и то же предложение получает не только разное фонетическое, но и не совпадающее душевное, внутреннее звучание (*sondern auch seelisch einen anderen Klang hat*). Другими словами, одно и то же слово, произнесенное на разных языках, могло вызывать различные ассоциации, переживания, представления.

¹ Цит. по: Gollner Helmut. Österreichische Literatur der 2. Republik. Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache: Bd. 12. – Wien, 1999. – S. 79.

² Wildgans Anton. Rede über Österreich. – Salzburg, 1976. – S.29-30.

Как известно, при переводе «соторчески» воссоздается иной аспект исходного имени¹. Именно на это неизбежное несовпадение обращает внимание А. Вильдганс. Тем самым восприятие превращает воспринимаемый текст в нечто совершенно иное и новое.

Австрийцы часто сталкивались с этой проблемой. При этом они развили особый музыкальный слух, особую чуткость и кротость, связанные с уважением к «другому». И все же драма Австро-Венгерской монархии оказалась во многом драмой языка. Принудительное немечивание, или мадьяризация, столь часто встречавшиеся в истории габсбургской монархии, подрывали взаимопонимание между народами.

Представляется, что способность австрийцев к «психологии» была связана с допущением многогранности, множественности смысла. При этом концепт «вчувствования» сталкивался с имперскими и чиновниччьими концептами «порядка» и «долга».

В Австрии, более чем в других странах Европы, geopolитическое положение, история и традиции указывали на близость, острое и опасное переплетение «своего» и «чужого». Судьба многонациональной империи всегда зависела от решения вопроса, останется ли «чужое» чуждым и только «чужим», сумеют ли австрийцы отказаться от бессознательной уверенности, что правильным и единственным может быть лишь «свое». Задолго до А. Вильдганса кронпринц Рудольф (Kronprinz Rudolf, 1858-1889) выдвинул мысль, которая объединила австрийскую музыкальность и способность вслушиваться в других. В одном из незавершенных набросков 1880 года он писал о «концерте всех австрийских народов» (Concert der gesamten österreichischen Völker)². Эта формула прямо предвосхищает идеи А. Вильдганса. При всей риторичности оборота, отметим его специфически австрийское музыкальное наполнение и отчетливый просветительский смысл. Как известно, концерт

¹ Священник Павел Флоренский: Сочинения: в 4 т.: Т. 3 (2) / Редактор тома игумена Андроник (А.С. Трубачев). – М., 1999. – С. 232-233.
² Kronprinz Rudolf: „Majestät, ich warne Sie...“: Geheime und private Schriften. / Hrsg. Von Brigitte Haemann. – München, 1987. – S. 53.

в музыке – произведение, в основе которого одновременно лежат представления о согласии и состязании. Концертная форма построена на контрасте. Возможно, что метафора кронпринца Рудольфа была не во все случайным риторическим оборотом. В образе «концерта народов» заложены идеи солирования и контраста, состязания и гармонии, а за всеми этими противоречивыми признаками скрывается принцип «диалогичности», «диалога».

Заслуживают внимания и соображения кронпринца о «концерте всех (gesamt) народов», составляющих монархию. Здесь, по-видимому, скрывалась смысловая и историческая ловушка. Если учитывать «общегосударственные интересы», то неизбежен и «централизм». Оркестру нужен дирижер или, на худой конец, концертмейстер. «Централизм», в свою очередь, затрудняет признание равных прав за всеми народами. Возникает замкнутый круг, в который Австро-Венгрия попала намного раньше других многонациональных империй.¹

Австрийское «вчувствование» заключает в себе природные (геополитические), этнические, социальные, этические и эстетические моменты.

Предлагая собственную версию идеальных первооснов австрийской культуры, писатель А. Штифтер (Stifter, 1805-1868) вводит словосочетание «краткий закон» (das sanfte Gesetz). «Краткий закон» – удачная формулировка одной из констант австрийской культуры. В предисловии к сборнику новелл «Пестрые камешки» (1853) Штифтер призывает каждого человека уважать бытие другого. Величайшая опасность, предупреждает Штифтер, – в нападении на угнетенного, слабого, в нарушении дистанции как таковой. «Краткий закон» имеет природный, органический характер². Социальный мир предстает здесь как вариант мира природного.

¹ Примечательно, что во «Введении» к известной энциклопедии «Австро-Венгерская монархия в рассказах и картинах» кронпринц Рудольф писал о «чувстве солидарности», столь необходимой его родине. См: Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Ausgewählt von Christiane Zintzen. – Wien-Köln-Weimar, 1999. – S.23.

² Павлова Н. О кратком законе // Адальберт Штифтер. Бабье лето. / Пер. С. Анта. – М., 1999. – С. 13. Отметим, что, сравнивая национальные характеры в Пруссии и Австрии, поэт и драматург Г. фон Гофмансталь указывал на «природный», органичный (gewachsen) характер австрийской ис-

При этом, как сказано в романе Штифтера «Бабье лето» (1857), разрыв этих миров происходит тогда, когда люди привыкают «...глядеть на себя и на свои устремления как на центр вселенной...»¹.

Эпитет «кроткий» (*sanft*) скрыто связан с основным концептом «вчувствования», общительности, диалогизма. Любопытно, что этимологически слово «*sanft*» восходит к индо-германским корням *somo-, *sama- ('gleich' gehört, то есть – вместе), а также – к готскому *samjan* (нравится)². Таким образом, в эпитеце «*sanft*» сходятся в одной смысловой точке глубинная способность австрийцев учитывать интересы другого, вступать с ним в диалог, быть с ним заодно, вместе и потребность нравиться, быть приятным. В Австрии эту черту обозначают словом *«Entgegenkommen»* (умение не столько спорить или конфликтовать, сколько идти навстречу).

Теперь вернемся к исходному суждению Г. фон Гофманстадля. Полностью оно выглядит так: австрийской является способность – «*Hineindenken in andere bis zur Charakterlosigkeit*» – вдумываться в мысли другого *вплоть до утраты собственного характера*. Очевидно, что здесь возникает обратная сторона константы, ее отрицательный полюс. Отрицательный полюс константы «вчувствование» заставляет задуматься об иронической формуле «Человек без свойств», которую Р. Музиль (Musil; 1880-1942) сделал заглавием своего эпохального романа³.

Константа «вчувствование»/«общительность»/«диалогичность» образует смысловой круг. В ней сходятся в одной точке австрийское умение «вдуматься» в характер другого и австрийская же особенность – «утрата свойств».

тории. Hugo von Hofmannsthal Preusse und Oesterreicher // Gesammelte Werke. Reden und Aufsätze II. – Fr. am Main, 1979. – S. 458-461

¹ Штифтер Адальберт. Бабье лето. / Пер. С. Алта. – М., 1999. – С. 100. В XX веке другой австрийский классик Р. Музиль даст пародийную формулу «кроткого зекона», определив его как «*Abneigung jedes Menschen gegen die Bestrebungen jedes andern Menschen...*» (неприятие всяких человеком устремлений любого другого человека).

² Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 22 Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seibold. – Berlin-New York, 1989. – S. 617.

³ Роберт Музиль. Человек без свойств: Книга первая. / Пер. с нем. С. Алта. – М., 1994. – С. 89-93.

КОНЦЕПТ «HUMOR» В АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Очевидно, что ценностные различия между культурами обуславливают специфику юмора. Согласно русской пословице: «Кто как хочет, так и хохочет».

Особенности австрийского юмора уходят корнями в прошлое многонациональной Австро-Венгрии. Австрийский юмор – «это сочетание озорного сюрреализма чехов, висельного остроумия и национального пессимизма венгров, а также традиционной итальянской буффонады. Писатели и эстрадные артисты с еврейскими корнями также внесли свою лепту в развитие местного юмора: он стал терпким и приобрёл свойства, помогающие испуганному, гонимому человеку уходить от нападок» [James 1997].

Чувство юмора, присущее австрийцам, позволяет им легче переживать беды и справляться с трудностями. Очевидно, что для представителей австрийской культуры настроенность на смех именно в серьезной ситуации является нормой. Это сближает их с русскими, которым также знаком «смех сквозь слёзы».

Например, с юром австрийцы относятся к различным человеческим порокам:

Fräulein Zizepeh 'бесличное, gespreizt agierendes Mädchen';
Grabenpumphen 'Проституированые' (Грабенские нимфы, по названию одной из самых фешенебельных улиц Вены, известной обилием проституток);

Beidlfriedhof 'Фран, die schon sehr viele Männer hatte';

Dorflopod 'Hure auf dem Lande';

Häferlgucker 'jmd., der beim Kochen neugierig schaut';

Kerzlschlucker 'ein unerträglich frommer Mensch';